

Хун Лан носился вокруг огромного змея как ужаленный. Зачем-то расставил ноги, застыв в нелепой стойке мабу, и беспомощно занёс руки над чешуйчатым туловищем, так и не решившись прикоснуться.

Он поднял бледное, перепуганное лицо на Цин Шу:

— Брат... выручай, а? Мне реально жутко...

Цин Шу с любопытством наблюдал за его ужимками. Казалось, тот вознамерился поднять рептилию и перетащить в другое место.

— Ты куда его собрался тащить?

Хун Лан метнулся в свою комнату и сдул пыль с террариума, всё ещё накрытого бархатным покрывалом:

— Как куда? Внутрь! Сейчас приведу сестру, посидим у стекла, полюбуемся, поговорим о змеях, а там, глядишь, и на ужин её приглашу...

Юноша распалялся всё сильнее, уже вовсю фантазируя о незабываемом вечере.

Цин Шу переглянулся со змеем. Ни тот, ни другой толком не поняли, к чему эта суета, но на морде чешуйчатого и на лице человека отобразилось совершенно одинаковое недоумение. Почувствовав родственную душу, змей нежно положил кончик хвоста в ладонь Цин Шу. Тот обхватил его, и они по-товарищески пожали друг другу руки — вернее, ладонь и хвост.

Определившись с тем, кто здесь настоящий соратник, Цин Шу мгновенно принял сторону рептилии:

— Присмотрись к нему получше. Ну каков, а? Разве он похож на цветастые подштанники?

Хун Лан сначала растерялся, но быстро сориентировался и подхватил:

— Какие подштанники?! Это же чистейший откутюр! Кто говорит про подштанники, тот ничего не шарит в высокой моде! В моей комнате как раз не хватает такого шикарного парня!

Вышло не слишком искренне, но для змея эта лесть попала в самое яблоко. Ему лестно отозвалось каждое слово.

Поэтому чешуйчатый принял вальяжную позу барина, восседающего в паланкине, и приготовился к тому, что человек сам его понесёт. Хун Лан инстинктивно вжался в угол: от

одного вида этого «Янь-вана» у него мурашки бежали по коже, не говоря уже о том, чтобы трогать его руками.

В итоге вся тяжесть задачи снова легла на плечи Цин Шу.

Цин Шу, помимо нервозности, испытывал азарт и трепет перед чем-то опасным.

В последнее время он пристрастился поглаживать змея по голове, едва тот попадался на глаза — отчего чешуя на макушке рептилии заметно разгладилась и заманчиво поблёскивала на свету. Но вот поднять его на руки ему ещё не приходилось.

Цин Шу не раз слышал истории о беспечных людях, которые тискали пугливых от природы змей, доводили их до тяжелейшего стресса, получали ядовитый укус и отправлялись на тот свет.

С одной стороны, он опасался потенциальной угрозы, но где-то в глубине души жила твёрдая уверенность: эта змея его не тронет...

Цин Шу присел, выставил вперед руки ладонями вверх и осторожно подсунул их под брюхо рептилии.

Змей тоже почувствовал неловкость.

Для солидного змея проявлять беспечность перед человеком было верхом глупости. Наглые люди ловко хватают за хвост и бьют головой оземь — один хлёсткий удар, и вот ты уже оглушённый и беспомощный «поясной ремень».

Самым разумным решением было бы залезть в стеклянный ящик самому. Но змею ужасно хотелось посмотреть, как этот человек станет его тащить. О да, он наверняка задеревенеет от страха, сцепит зубы и будет судорожно прижимать его к себе, боясь выронить...

Цин Шу наконец просунул обе ладони под змеиное брюхо и попытался медленно его приподнять.

В его представлении подобные длинные и круглые тела плохо держали равновесие и постоянно норовили выскользнуть. Прежде чем поднять змея, Цин Шу наказал себе держать руки ровно: не дай бог задрожат, у этого господина характер не из легких... Однако змей вел себя смирно. Даже кончик хвоста послушно повис, и вся туша замерла, будто плюшевая игрушка.

Только глаза — огромные, золотисто-черные — были вытаращены так, словно он волновался пуще самого Цин Шу.

Цин Шу мгновенно воодушевился. Перетаскивать свирепое чудовище, которое разевает пасть и бьется в судорогах, ему было бы не под силу, но змей, принявший удобную позу, чтобы его было легче нести, — совсем другое дело.

Цин Шу упёрся ногами, выпрямил спину и бережно подхватил тяжелую тушу. Хун Лан, чье внимание всегда цеплялось за самые странные вещи, зажал пальцы во рту и выдохнул в полном изумлении:

— Вот это классический хват на руках! В этой мизансцене так и просится: «Жених может поцеловать невесту!»

Цин Шу подумал, что от этого парня доброго слова не дождешься. Он тут же развернулся и с тяжелым змеем на руках сделал вид, что уходит к себе:

— Ах вот как? Ну тогда мы пошли.

— Э-э, брат, ты чего! — Хун Лан молитвенно выбросил руки вперед. — Я же шучу! Если сегодня всё выгорит, вы оба для меня — самые любимые зайчики!

Цин Шу нахмурился: «Кто тут твой зайчик?!»

Змей подумал то же самое: «Вот-вот, совсем обнаглел, паршивец!»

В этот момент мысли человека и змея совпали идеально.

Возились они почти до четырёх часов. Хун Лан окинул комнату взглядом, остался доволен результатом, поправил причёску и с торжественным видом вышел. Змей, оказавшись за толстым стеклом, высунул морду, собираясь выползти наружу — мол, пока соседа нет, поразминаюсь, а как вернется, влезу обратно.

Однако перед террариумом встал Цин Шу и хмуро посмотрел на него:

— Тебе нельзя наружу.

Змей возмущенно уставился на него: «Человек, ты изменился! Раньше ты не принимал чужую сторону!»

Цин Шу вздохнул:

— Я с таким трудом тебя туда приволок. Если ты сейчас выползешь, а потом залезешь сам... все мои старания пойдут насмарку.

Змей промолчал: аргумент звучал слишком убедительно. «Но человек! Ты готов мучить змею только ради собственной значимости?!»

Змей впал в депрессию. До самого возвращения Хун Лана он пролежал, уткнувшись мордой в собственное брюхо, мрачнее тучи.

А Хун Лан вернулся сияющий, как майская роза, и ввёл в квартиру высокую, чрезвычайно элегантную женщину.

Цин Шу не любил сходить с незнакомцами. При иных обстоятельствах он бы сразу ушел к себе, но оставлять змея не хотелось. К тому же Хун Лан слезно умолял его остаться — хотя бы маячить на краю зрения, чтобы в случае чего можно было позвать на помощь.

Поэтому Цин Шу неловко переминался с ноги на ногу неподалеку от двери.

Он старался не рассматривать избранницу Хун Лана из вежливости, но первого беглого взгляда хватило, чтобы сложилось сугубо специфическое впечатление.

Женщина выглядела взрослой и зрелой. В ней не было ни вызывающей яркости роковой красоты, ни сухой прагматичности офисного менеджера. Она принадлежала к той категории людей, за которыми угадывается богатая история. В стильном баре такая женщина, сидящая в одиночестве в темном уголке, неизбежно привлекала бы мужские взгляды.

Но Цин Шу зацепило другое.

На ней почти не было украшений, а одежда и обувь отличались практичностью и удобством — похоже на экипировку для походов или альпинизма.

С момента появления её внимание практически не касалось Хун Лана. Цин Шу помнил слова соседа о том, что эта женщина увлекается террариумистикой и пришла исключительно ради редкого змея.

Однако никакого азарта, любопытства или ожидания в ней не чувствовалось.

Она держалась сдержанно и отстраненно, будто пришла с четкой проверкой, и совершенно игнорировала Хун Лана.

Цин Шу не мог ручаться за правоту своих догадок, но этот едва уловимый диссонанс вызывал у него настороженность.

К счастью, визит затянулся ненадолго: не прошло и десяти минут, как гостя предложила сменить обстановку.

Хун Лан только обрадовался возможности покинуть одну комнату с жутким «Янь-ваном». Он бросился открывать дверь и суетливо побежал вперед, чтобы вызвать лифт.

Его совершенно очаровала эта её холодная отстраненность — без фальши и угодничества, настоящая отдушина в этом фальшивом мире.

Хун Лан прокашлялся, намереваясь выставить себя в лучшем свете:

— Я уже забронировал столик. В том ресторане у меня хранится бутылка красного за сто восемьдесят тысяч — так, взял на аукционе по случаю. Сегодня просто спешил, не успел захватить из дома коллекционное за триста, придется перебиться этим.

Хвастовство обычно выглядело дешево, но Хун Лан рассуждал просто: если у тебя есть деньги, почему бы не показать? Богатый и отзывчивый парень явно выигрывал на фоне просто отзывчивого, но бедного.

Женщина лишь слегка улыбнулась. Не успел Хун Лан воодушевиться, как раздался стандартный рингтон телефона.

Звонили не ему... У юноши ёкнуло сердце. Предчувствие его не подвело: женщина ответила, коротко бросила пару фраз и нахмурилась:

— Вот как? Хорошо, сейчас буду.

Она убрала трубку и с виноватым видом повернулась к нему:

— Прости, появились срочные дела, мне нужно идти. В другой раз я тебя угощу.

— Зачем в другой? Назови конкретный день, а то эти «в другой раз» обычно ничем не заканчиваются, — пробурчал Хун Лан, с трудом скрывая разочарование.

— Давай в следующее воскресенье. Место выберу я, заодно попробуешь кое-что из моих запасов.

Получив твердое обещание, Хун Лан моментально просиял. Только когда женщина отошла на приличное расстояние, он спохватился, что надо бы её проводить. Юноша хлопнул себя по лбу и выскочил на улицу, но во дворе уже никого не было.

Вдоль улицы один за другим загорались фонари. Выйдя за пределы жилого комплекса, женщина не стала спешить. Она свернула в темноту переулка, где ветви деревьев закрывали свет.

Там её уже поджидал оборванный мужчина среднего возраста. Они не обменялись даже взглядами, просто пошли рядом.

— Обычная змея, — проговорила она, опустив руку. На её запястье блеснул серебряный браслет с равносторонним треугольником, в центре которого темнел налитый кровью камень.
— Пусковое устройство никак не отреагировало. Это не сбежавший игрок.

— Тогда нечего о ней и думать... — хрипло отозвался мужчина, скрытый тенью. — Тратить драгоценное время на какую-то тварь — глупость.

<http://bllate.org/book/19679/1946598>